

— У нас сегодня в гостях писательница Наринэ Абгарян. Как получилось, что я, коренной москвич, говорю вам, армянке: «Добро пожаловать в Ереван!»?

— Мир стал как-то вверх тормашками и продолжает в таком состоянии находиться, Пеппи Длинный Чулок. Ну, если говорить о Москве, то я там прожила 26 лет. Да, это большой отрезок моей жизни, и, в общем, это город, которому я очень благодарна, который меня сделал, который сделал из меня писателя и вообще, наверное, человека. И покидать его было очень сложно. Решение я это приняла еще в 2020 году после нашего поражения, потому что стало ясно, что нужно уезжать оттуда, не каждый готов смириться с тем, что случилось. А война в Украине просто этот процесс очень ускорила, потому что я думала, чтоб сын закончил свою вторую магистратуру и мы потом уехали, квартиру можно было продать. Но вот после 24 февраля мы уехали где-то в середине марта уже и вот так и получилось, Ян, что мы с вами теперь в Ереване и вы мне говорите «добро пожаловать».

— Скажите, вы все-таки как-то формулировали, почему вы уехали?

— Потому что для меня чисто по-человечески было невыносимо оставаться в стране, которая, наверное, поступила так, как никто из нас не предполагал. То есть, мы же не говорим о том, что Россия не вела до этого войн. Да, но у меня и даже то, что случилось с Арменией, это тоже было своего рода предательством. Хотя это эмоциональная оценка, на самом деле Россия поступила так, как было выгодно ей. Это у нас, у армян, отношение такое. Да, ну, тут случилась какая-то уже совершенно запредельная история. Вообще, я родилась и выросла на Кавказе, и здесь состояние войны, оно такое, немножко, ну, не то чтобы очень странное. Потому что народ на Кавказе постоянно воевал. А эта война прямо пробила дно всех возможных войн, у меня было такое ощущение, будто изнасиловали и убили кого-то очень близкого мне, родного. И я сейчас живу уже год в Германии. Это у меня, получается, уже третья эмиграция. Вот это ощущение, что я нигде не дома и что везде мне немножко некомфортно, все жмет, как будто ты слон в посудной лавке и тебе всё тут мало и не твоё, и одежда не твоего размера, и обувь, и всё то, что тебя окружает, как будто это немножко тебе всё снится.

— Я просто помню, что вы мне сказали потрясающую фразу. Вы сказали: я так сильно переживала, что вышла замуж. Это правда?

— Мне кажется, вообще на самом деле, если посмотреть даже на мою ленту Facebook, там очень много людей за это время пережились. Мне кажется, в одиночестве очень страшно было то, что выпало на нашу долю, и люди старались как-то вот найти себе кого-то, с кем будет легче всё это переживать. И я тоже, наверно. Некуда было деваться реально, я не знала, как дальше жить, я не могла писать, все то, что я умела, все это улетучилось. Я с моим мужем встретила в Армении, он очень хороший, он, оказался, мне повезло, в общем, он оказался очень хорошим человеком, журналистом, поэтом, лектором, и я рада, он действительно мне очень помог. По крайней мере, мне сейчас чуть лучше.

— Как вам кажется, что вы потеряли, уехав из России?

— Наверное, если я скажу, что я потеряла все, что меня вдохновляло и подпитывало для работы, я не совру. То есть, Москва была неким стержнем, который меня держал, который меня организовал, который заставлял меня двигаться вперед. Я писать могла только в Москве. Там окружали люди, которых я искренне любила и люблю, там был город, который очень менялся со мной, и он мог нравиться, мог не нравиться, но это была как будто моя вторая кожа, и я ее скинула.

— А есть какой-то позитивный опыт в эмиграции, вы что-то приобрели, уехав?

— Безусловно, ты приобретаешь это, знаю по себе, но просто сейчас, находясь в

эпицентре всего этого, очень тяжело это понимать, нужно, чтобы прошло лет пять хотя бы, у тебя просто сейчас нет возможности сделать зум, подняться над ситуацией и полностью ее оценить, ты прям вот здесь и сейчас, варишься в этой каше. Естественно, мы делаем какие-то выводы, естественно, через какое-то время мы поймем, что это тоже было очень важный шаг, это была очередной очередная победа над собой. А сейчас очень тяжело это принимать. Мне действительно очень некомфортно везде, в том числе, здесь в Армении.

— Почему?

— Потому что после поражения Армения переживает очень тяжелый этап своей жизни. И вот это тяжелое шизофреническое состояние общества, разобщенность и уныние, апатия, вот то, что мы сейчас проходим. Это физически очень больно, ощущать, что общество наэлектризовано, достаточно токсично и люди очень тяжело переживают каждое новое испытание. Такое впечатление, что это испытание, которое никогда не закончится, и в этой ситуации от того, что это твои люди, это переношишь сложнее, просто потому что у тебя болит, наверное.

— Я бы хотел спросить вас еще на тему русско-армянской дружбы, как это раньше называлось. У нее есть еще какие-то перспективы, какое-то будущее или все, это уже конец?

— Я очень люблю свой народ за некую такую мудрость, они умеют отличить людей от политики страны, пока вот этот барьер, он держится. Но, конечно, потихонечку начинает сдавать. Вот это умение отличить одно от другого, оно истончается просто потому, что сейчас моя страна находится в очень тяжелой ситуации, и, в общем, очень много вопросов к Кремлю, скажем так, у людей.

— Она находится в тяжелой ситуации по вине моей страны.

— Ну, не только. Кремля, да. Я стараюсь не говорить слово «русский». Потому что я понимаю, что тот же дядя Володя, который живет где-то Владикавказе, получает 10 тысяч рублей зарплаты и даже молится на Путина, ничего не решает. Это не его решение. Поэтому нужно все-таки отличать одно от другого. И естественно, тут, в этой глобальной войне за юг, мы оказались крайними, разменной картой, которую в нужный момент вытащили из рукава. Очень сложно с этим жить, ну, я не знаю, что будет дальше. Мне бы хотелось, чтобы эта культурная среда, которая подпитывала, она сохранилась, потому что мы с вами говорим на одном языке, мы выросли на одних и тех же фильмах. Если я вам приведу цитату из какого-нибудь фильма Гайдая, вы поймете, это очень важно. Это очень ценно. И мне бы хотелось, чтобы это сохранилось. Сохранится или нет, я не знаю, но мне было очень хотелось постараться сохранить этот мост.

— Есть какие-то способы, какие-то рецепты у вас?

— Ну, я скажу банальную вещь, наверное. По возможности помогать людям заниматься своим делом, стараться не нагнетать агрессию, ее так много, что она ощущается прямо кожей. Если есть возможность утешить человека, делайте, не идите на конфронтацию. Старайтесь как-то сглаживать углы. Ничего мы на самом деле ничего больше не можем сделать. Что мы еще можем сделать? Войну остановить мы не можем, мобилизацию отменить мы не можем. Допустим, там призвать к трезвости, трезвому мышлению каких-то политиков мы не можем. Что ты можешь сделать? Я бы хотела сказать, что меня чудовищным образом ранило в этой войне, которая случилась в 2022 году. Я это ощутила в тот день, когда случился бомбовый удар по Бабьему Яру. Вы знаете, было такое ощущение, что мы все были такой новогодней елкой, все эти бывшие государства Советского Союза, народы, которые населяли эту огромную империю. И как будто вот эту ось прямо с корнем вырвали, и все эти веточки просто упали. У меня было

ощущение, что все то хорошее, что держало нас вместе, что нас воспитывало, во что мы верили, что любили, начиная от великой музыки, заканчивая прекрасными фильмами, грубо говоря, начиная от Тарковского и заканчивая, допустим, Прокофьевым — все это просто испоганили, изнасиловали, изуродовали. И поэтому я все это люблю. Я с удовольствием это слушаю и перечитываю, и у меня нет никаких претензий как у других людей к Пушкину или к Достоевскому. У меня нет ничего такого, что это из-за Пушкина война началась. Я сейчас вам расскажу историю, которая со мной случилась в Братиславе, но до этого я хотела бы сказать что изменилось ощущение, что все это, во что мы верили, все это просто испоганили подвиг наших бабушек и дедушек, которые воевали на войне и верили в то, что они воюют с фашизмом, и вот то, что нас держало вместе, это разрушилось. А по поводу Братиславы я хотела рассказать. Там у меня была встреча с читателями, пришла совершенно прекрасная семья из Харькова, мама папа и сын. И они так смешно сказали, говорят, вот наш мальчик три дня вел себя хорошо, чтобы мы пришли к вам. Они беженцы, потеряли все, мальчику было восемь, может, девять лет, я возраст не помню. И он пришел с «Манюней», я говорю: «На каком языке тебе подписать?». Потому что я не знаю, может, он не хочет, чтобы я на русском написала. Я говорю, я могу на английском, могу на армянском, ты тут напиши на украинском, я тебе подпишу. И вы знаете, он на меня посмотрел таким совершенно серьезным взрослым взглядом и говорит: напишите на русском, я же не маленький, я всё понимаю. И вот это «я не маленький, я всё понимаю» — это было... Мне так хотелось этого ребёнка показать всем людям, которые сейчас ломают копыя, пытаюсь доказать что виноват Пушкин, Достоевский, не имеет значения кто. Я просто хотела показать этого ребенка и сказать: поучитесь, у него настоящая Соломонова мудрость. Ни в коем разе я не хочу вот этот свой разговор адресовать украинцам, потому что украинцы сейчас в тяжелейшем состоянии, люди в таком аффекте, что пытаться им сказать, что, может, вы тут немножко правы — это то же самое, что, допустим, человеку, которому оторвало ногу, встать над ним и говорить: Ты не так орешь! Я ведь это тоже наблюдала за своим народом, теперь наблюдаю за украинским народом. У меня просто сердце рвется от того, что я вижу. Ну, в общем мы через это пройдем и, я надеюсь, что какие-то правильные выводы сделаем. Но это же пройдет, это обязательно пройдет.

— Как в этой непростой ситуации поступила бы ваша Манюня?

— Я вам скажу, на самом деле я об этом никогда не говорила, я могу сказать, что мы с Маней оказались в разных политических лагерях, с прототипом. Но мы так друг друга любим, что никогда, во-первых, мы не обсуждали никак этот вопрос, мы никак не обвиняли друг друга в том, что у нас разные политические взгляды, наша любовь, наша дружба превыше этого. И если бы 30-40 процентов людей были бы, как мы, то у нас действительно было бы меньше проблем.

— А может быть, вы напишете продолжение?

— Ой, нет, мне бы хотелось написать совсем о другом. У меня есть какие-то истории о женщинах. Я очень хочу написать об этом рассказы. У меня была история такая. Вы знаете, я написала рассказ об армянской женщине, и мне прислали отзыв одного профессора, который очень возмущенно написал, что это позорит образ армянской женщины в мировой литературе. Я сказала про себя: спасибо большое, что вы меня причислили к мировой литературе. С другой стороны, я подумала: как же больно этому армянскому мужчине, профессору, читать правду об армянской женщине. Я тогда подумала, что надо продолжать об этом писать, потому что это важно, если это резонирует, если даже это вызывает протест, это дает повод человеку задуматься. И вот я хочу эту книгу написать.

— Вообще интересная вещь. Мне кажется, что в этой экстремальной ситуации женщины как-то вышли на первый план. Я просто поймал себя на том, что последнее

время в этой студии мои гости — это сплошные женщины. Как вам кажется, почему так происходит?

— Вообще, мне кажется, настала пора женщин. Мужчина, он устал, невозможно тысячелетиями все это тянуть на себе. Да, он вырабатывает свой ресурс. Ему, наверное, нужно время немножко выдохнуть и отдохнуть, и мы должны это время ему дать. И поэтому я готова взять какую-то долю ответственность на себя я считаю, что политике должно быть больше женщин, просто потому, что мы по-другому думаем, по-другому все воспринимаем. И это «по-другому» тоже очень важно, и тут дело не в женском-мужском, что вот женщины говорят о родах, каких-то других проблемах, о которых мужчины ничего не знают. Нет, это просто разные восприятия мира, разная оценка разных событий, и, мне кажется, если будет больше женщин в политике, то можно что-то изменить. Я надеюсь на это, что это случится, и я наблюдала, вы знаете, это во время первой нашей войны. Женщины были очень активны, потому что мужчины или были на фронте или были в таком тяжелом психологическом состоянии, что ничего не могли делать. И женщины взвалили на себя очень много, и стариков, и детей. А потом, когда война кончилась, они стали очень тяжело болеть, как только они выдохнули. И мне кажется, сейчас вот эта активность женщин, она некотором роде не только выбор, это, наверное, как-то нас сложила природа сама: в тот момент, когда мужчина в растерянности, мы начинаем действовать.

— Что сейчас происходит в вашем родном Тавуше?

— Ну, это приграничье, оно в Армении везде в достаточно таком непростом состоянии, тяжелой ситуации. Люди потихонечку оттуда уезжают, они тридцать лет, как могли, защищали свою страну, они там жили в невыносимых условиях и творили жизнь в надежде на то, что вы за тридцать лет создадите нормальное дееспособное государство, нормальную мощную армию, которая их защитит. Сколько они ещё могут вырабатывать свой ресурс? Очень большой разрыв между жителями, грубо говоря, тыла и приграничья, в ментальности, в понимании обстановки по отношению к войне. Оно настолько разное, что двумя словами не объяснишь, и поэтому, когда вы меня спрашиваете, как там, я даже не знаю что ответить. С одной стороны, люди делают все, чтобы не сдать свой регион, с другой стороны, у них уже выработался ресурс, они не могут бесконечно терять родных, они не могут бесконечно с утра до вечера каждый день думать о том, что будет с ними завтра. В какой-то момент их кто-то должен защитить. Я езжу периодически в Берд, это место моей силы, он было и остается местом, которое меня сделало, это лучшее место на земле для меня, куда бы я ни уехала.

— Последний месяц вы постоянно пишете про Арцах, который находится в блокаде, там становится хуже и хуже. Что из последних событий поразило вас сильнее всего.

— О, это такая больная тема, что говорить. Я попробую держать себя в руках. Последняя чудовищная история — это гибель двух детей, когда мама ушла за едой, и они погибли в машине просто вышли за мамой, забрались в какую-то машину, было очень жарко, они уснули и умерли в эту жару. Я не знаю, как с этим жить, у меня есть там любимые родные люди. У меня есть там Нунэ Аракелян, которая преподает в университете, она со своими друзьями открыла приют для собак и кошек, бездомных животных. В этом регионе заблокированном людям нечего есть, но они спасают кошек и собак. Сейчас вот эти переговоры мирные, которые идут, видимо, закончатся тем, что Арцах останется в составе Азербайджана, и нужно решать вопрос людей. Нужно найти в себе силы признать то, что произошло, извиниться перед ними, вывезти их оттуда. Я не знаю, что будет, они не захотят уехать, мне кажется. У меня дед карабахский, это вообще такая удивительная субкультура, там такие потрясающие живут люди. И они веками воевали. И там было такое смешение всего. Ситуации, которые невозможно вообразить.

Мой дед, его деревня шла воевать с соседней азербайджанской деревней. Поубивали друг друга, а вечером собирались за одним столом азербайджанцы и армяне и тусили. В 1918 году деда убил его друг азербайджанец. Это было уважение. Были волнения, мусаватисты пришли к власти, и он просто пришел к моему деду и сказал: «Андро, сегодня тебя расстреляем это, сделаю я». Понять современному человеку это практически невозможно. Извините, это был не мой дед, это был мой прадед. Я от волнения все перепутала. Моего прадеда убил его друг, и мой дед это все видел своими глазами. Ему было восемь лет, он знал, что ведут его отца на расстрел, он пошел за ним и увидел, как человек, друг отца, застрелил его, а потом, когда ему стало 20 лет, он нашел этого азербайджанца и убил. Понимаете, эта земля полита кровью. Она веками генерировала стойкость человеческого духа, невозможный талант и красоту. Но с другой стороны, столько боли. И я не могу представить, чтоб сегодня арцахцы просто так встали и ушли оттуда, оставили все. Это реально невозможно представить. Как все это закончится, я не знаю.

— Ну и собственно, главный вопрос этого интервью у меня к вам. Смотрите, вы уехали из Армении очень давно, в 90-е годы. Но ведь той Армении уже нет. Вы приехали в Россию, теперь уехали из России и, можно сказать, по крайней мере мне так кажется, что уже этой России тоже нет. Есть ли нам, куда возвращаться и стоит ли вообще возвращаться?

— У меня был очень тяжелый разговор с сыном на эту тему, потому что он родился в Москве, и это, наверное, тот случай, когда тебе нечего возразить, потому что, конечно, города не виноваты, что, допустим, люди совершают какие-то ошибки но, видимо, тень этих поступков, она все равно ложится тяжелым бременем, и туда просто невозможно вернуться, хотя бы потому, что если ты туда вернёшься, он совершенно не такой, каким ты его любил, и никогда уже таким не будет. Это как пытаться вернуться прошлое. Поэтому я понимаю, какой это огромный вызов для тех, кто потом вернется в Россию. Я ни в коем случае не хочу никого осуждать и никого ничему учить, это бесполезно. Сколько у меня есть сил, я сочувствую, сопереживаю. Я не отрекаюсь от города, который меня сделал писателем. Я чувствую свою долю ответственности, потому что я хоть гражданка Армении, но я русский писатель. Очень тяжелый разговор, Ян. И, к сожалению, у нас нет правильных ответов на вопросы. Очень хочется сказать нечто такое, что поможет другим людям тоже, но когда в тебе этого решения нет, ощущения нет, вот в этом состоянии свободного полета, падения, о котором мы с вами говорили, то в интервью очень сложно выдать такую формулу, которая помогла хотя бы тому, кто очень нуждается в этом. В общем, кажется, что сейчас нету правильных решений, что мы передвигаемся на ощупь и станет ясно только сильно позже, правы мы или нет.

— Но все равно возвращаться некуда. Просто настолько ужасные события произошли, что они изменили страну, изменили мир, они изменили нас, и теперь только вперед.

— Значит, будем двигаться вперед.